

Телегид

Василий Аксенов: «Я учусь современному русскому языку»

Алена ЩЕГЛОВА

О Василии Аксенове вновь вспомнили, когда на экраны вышел сериал «Московская сага». По новой традиции книги переиздаются вслед за появлением их экранизаций, и роман Аксенова завалил полки всех книжных магазинов. Продажи повысились, как и интерес к автору. Новый его роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» получил в этом году Букеровскую премию, а радиостанция «Серебряный дождь» пригласила писателя диджействовать. Аксенов, как оказалось, прекрасно разбирается в музыке и с удовольствием согласился.

— Василий Павлович, у вас, наверное, очень большая музыкальная фонотека?

— Да нет, не очень, у меня все рассеяно, я ведь сейчас живу в трех местах: в Америке, во Франции и в Москве.

— Вы в Америке преподаете?

— Преподавал. Сейчас вышел в отставку.

— А что так?

— Да хватит. 24 года университету отдал.

— Вообще писатель с медицинским образованием — это интересно.

— Но я не медицину преподавал.

— Скажите, а после книги «Кесарево свечение» что еще у вас выходило?

— О-да. Да, да, выходил огромный роман. А, нет, простите, «Кесарево свечение» — это как раз и есть огромный роман. А после этого романа вышел мой новый роман в журнале «Октябрь» в 1-м и 2-м номерах этого года под названием «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Это роман из XVIII века о Вольтере, о Екатерине и, в общем, довольно забавный, я бы сказал. Я очень горжусь им, потому что мне удалось найти интонацию, это было очень трудно, найти интонацию, которая бы отражала язык и XVIII века, и нашего времени.

— А вообще интонация и звук для вас важны?

— Очень, очень-очень. Да, кстати, там в этом романе тоже много музыки, но музыка, разумеется, другого типа. И века.

— Еще был «Новый сладостный стиль», это тоже после «Московской саги». Много, много. Стараемся работать на полных оборотах.

— Видите, а говорите, пора на пенсию уходить?

— Нет, в смысле сочинительства я не собираюсь уходить.

— Это дар, останавливаться тут нельзя. Это же не завод: пришел, поработал от 6 до 9 или, наоборот, с 9 до 6 и ушел.

— Это отчасти все вредная привычка уже.

— Вы думаете, это вредная привычка?

— Ну, конечно. Кровь уже отравлена, а не могу без этого (смеется).

— Вы прекрасно говорите на английском языке. Он для вас уже стал вторым родным?

ВИКТОР ХРАПИНОВ

— Ну, конечно, это мой рабочий язык. Я все эти годы, в общем-то, употреблял этот язык. Он мне немножко надоел, честно говоря.

— А чем он вам надоел?

— Своей отдаленностью от русского, от моего литературного языка.

— А как вы думаете, на английском языке можно выразить все чувства русскому человеку, даже если он хорошо его знает?

— Это довольно сложно. Я сужу по переводам. Я, в общем-то, участвовал в переводах своих вещей вместе с переводчиками. Часто так бывало, что мы просто буквально каждую фразу вдвоем или втроем обсуждали. Это довольно трудно, это дается талантом, кстати говоря, переводчика. Ощущением своего языка в первую очередь, потом уже чутьем к переводимому языку, это сложно очень, это другие совершенно категории.

— Скажите, русскому человеку легко приспособиться к западной жизни? Знаете, такое выражение: особо себя не терять, но и не находил. Так ли это?

— Вы знаете, в те времена это было довольно трудно в основном из-за того, что ты оказывался полностью отрезанным от родины, от всего, тебя уже не впускали и так далее. А сейчас-то люди циркулируют, уже нельзя назвать это эмиграцией. Это уже миграция, не эмиграция, часто просто ищут работу или способ заработать денег, и все. Это уже сейчас стоит не так остро. Русские стали довольно привычной частью международной толпы. Раньше, я помню, даже описал в

какой-то вещи, что сижу на площади Сан-Марко в Венеции, и люди говорят на всех языках, только русского нет. А сейчас русских везде полно. Это, конечно, здорово, это одно из главных достижений перестройки, всей революции.

— Находите ли вы контакт с молодыми читателями, встречаетесь ли, есть ли у вас общие темы для общения?

— Если говорить о молодом читателе, то, как ни странно, я вижу довольно сильный интерес к моим вещам со стороны продвинутой молодежи. Я иногда встречаюсь с читателями и часто вижу в зале не только старые, подержанные вроде моего лица, но и вполне (смеется), вполне.

— А почему вас удивляет интерес к себе молодого читателя?

— Знаете, когда долго живешь от страны в отрыве, кажется, что молодежь там совсем другая, она совсем уже не интересуется тем, чем мы раньше интересовались. Я вижу, что это совершенно не так, очень много общего, иногда даже просто один и тот же язык. Я, кстати, учусь современному русскому. Я его не всегда еще употребляю...

— Вы написали роман о XVIII веке. Какая персона того времени вам показалась наиболее интересной?

— Сам месье Вольтер. Я его обрисовал и, по-моему, он не будет в обиде за этот портрет, мне так кажется.

— Слышала, что вы очень любите джаз. Как относитесь к словам Горького, что джаз — это музыка толстых?

— Вы знаете, Алексей Максимович Горький был очень оби-

Раньше я был полностью отрезан от родины. А сейчас-то люди циркулируют. Это уже миграция, а не эмиграция. Русские стали довольно привычной частью международной толпы. Это одно из главных достижений перестройки, всей революции

жен на Америку. Почему? Потому что, когда он первый раз приехал в Нью-Йорк со своей возлюбленной Андреевой, актрисой МХАТа, и они решили поселиться в лучшей гостинице World of Astoria, их туда не пустили, потому что в Америке были тогда пуританские нравы. Сказали: «Вы, извините, не расписаны в загсе, и мы вас в эту гостиницу не пустим». Он тогда жутко разозлился, написал «Город желтого дьявола». Еще в Америке плохо собирали деньги на русскую революцию, в общем, он был чрезвычайно огорчен. И потом он же совершенно не понял смысла джаза, когда сказал, что джаз — это музыка толстых. Джаз — это как раз музыка бедных. Бедных, худых и таких довольно-таки возбужденных или угнетенных чьей-то людей. Джаз — это попытка вырваться из лап буржуазии, а не попытка развлечь эту буржуазию.

— Расскажите вкратце о ваших книгах «Мой дедушка — памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Они будут переиздаваться?

— В свое время они изымались в СССР, вот это меня поражало, потому что там главный герой — это образцовый советский пионер Геннадий Стратофонов. Главная мысль книги была — всем помогать, всем бороться против терроризма и так далее. Я сейчас думаю, что, может быть, напишу третья часть этой дилогии и опять о нем, но теперь он уже вырос, ему 45 лет, и догадаетесь, кем он сейчас стал? Он стал олигархом, которого выперли из России. Он живет на границе Франции и Испании...